

Украина: «На Майдані коло церкви революція іде...»

**ПЕРЕНОС РЕПЕРТУАРА КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА УКРАИНСКУЮ ПОЧВУ: МАЙДАН 2013**

А.Н. Олейник

*Центральный экономико-математический институт РАН,
Университет Мемориал (Канада),*

О.В. Стрелкова

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: В статье рассматривается случай эффективного сопротивления украинских протестующих насильственным действиям со стороны правительства в ноябре-декабре 2013 года. Показано, что они продемонстрировали серьезный потенциал сопротивления, это непосредственно связано с переносом (*relocation*) модульных протестных репертуаров (массовых протестов, сидячих забастовок и баррикад) на украинскую почву с помощью их адаптации к традиционным институтам: Вече (собрание членов сообщества) и Сечь (военизированный лагерь казаков). Коммунитарная модель институциональных трансфертов лучше подходит к украинскому случаю, нежели спродюсированная (*entrepreneurial*) модель: протесты были инициированы, организованы впоследствии поддержаны обычными людьми. Данными для анализа послужили три массовых опроса, а также серии качественных глубинных интервью ($N = 31$), проведенные во время протестов.

Ключевые слова: репертуары коллективного действия, модульные протестные репертуары, массовые протесты, «избирательное сродство», Майдан, Сечь, Вече, Украина ноябрь-декабрь 2013 года.

Введение

Массовые протесты на Украине, которые берут свое начало 22 ноября 2013, были одновременно ожидаемыми и неожиданными. Они не стали неожиданностью, поскольку не были оправданы высокие ожидания, возникшие в результате так называемой «оранжевой революции» в октябре-декабре 2004 года. Правительство продолжило работать в атмосфере не прозрачности и осталось отчужденным от обычных людей¹. С другой стороны, недавние про-

¹ Украинское правительство воспринимается как высоко коррумпированное: значение Индекса восприятия коррупции Transparency International было 25 из 100 в 2013 году (2,2 из 10 в 2004 году). Чем ниже значение индекса, тем выше уровень восприятия коррупции.

тесты отличались от модели сложившейся среди постсоциалистических стран (Сербия в 2000 году, Грузия в 2003 году, Украина в 2004 году, Монголия в 2008 году, Молдова в 2009 году, Кыргызстан в 2005 и 2010 годах и Россия в 2011 году). Украинские протесты 2013 года также не совпадали с избирательными циклами в стране. Они продолжались несколько месяцев непрерывно, что и привело к ожесточенным столкновениям с полицией. Десятки людей были убиты как из числа протестующих, так и полиции.

Продолжительный характер массовых протестов заслуживает особого внимания. Полиция сделала несколько попыток разогнать протестующих, в том числе с применением силы, но все они были успешно отражены. Независимо от конечных результатов массовых протестов их успех определяется в конечном счете *длительностью*. Украинские протесты показали, что коррумпированное правительство можно свергнуть, какими бы жестокими и отталкивающими ни были средства, которые можно использовать против протестующих. По словам людей, которые вышли на украинские улицы, «мы пишем историю здесь и сейчас нашими протестами» (мужчина, 25–39 лет) и «чего-то мы достигли уже сейчас... Каждая ночь, каждый день дорогого стоят» (мужчина, 40–54 лет)². Цель данной статьи — изучить происхождение столь мощного потенциала украинских протестующих, продемонстрировавших его в ходе сопротивления деспотическому правительству.

Мы полагаем, что продолжительное и масштабное сопротивление украинских протестующих связано с выбором специфических направлений коллективного действия. Согласно функционалистской точке зрения, «люди взвешивают выгоды и издержки альтернативных вариантов действий для достижения определенной цели и выбирают те из них, для которых чистая выгода является наиболее вероятной» [Obershall 1993: 11]. Рациональный выбор индивидуальных и коллективных стратегий влечет за собой предпочтение тех вариантов действий, которые действительно работают, то есть способствуют достижению желаемых целей. В контексте украинских протестов действенной стратегией явилось противостояние коррумпированному и насильственному правительству на протяжении длительного периода времени.

Имеют ли стратегии массового протеста универсальный или конкретный характер в той или иной стране? Литература о репертуаре коллективных действий не исключает ни одну из указанных альтернатив. Репертуар коллективных действий обладает как специфическим характером для определенной страны, так и для момента времени, как это было предложено, к примеру, в работах о репертуарах борьбы во Франции [Tilly 1977] и Великобритании [Tilly 1995].

Однако в последнее время приобрела популярность концепция *модульного действия*. Идея модульного действия предполагает, что успешные стратегии, которые продемонстрировали свою эффективность в достижении коллективных целей, могут быть воспроизведены в различных странах и в различные периоды времени. Как отмечает Бейсингер, серия массовых протестов в постсоциалистических странах только подтверждают гипотезу модульности.

В этой статье мы попытаемся противопоставить гипотезы *единичности* и *модульности*, используя в качестве кейса самые последние украинские протесты. Кейс «выбран на основании того, что он позволит лучше понимать обстоятельства, при которых гипотеза сможет выдержать или не выдержать проверку» [Bryman 2004: 51]. А именно, Брайман утверждает, что для того, чтобы быть эффективной в конкретной стране в определенный момент времени, стратегия коллективных действий имеет некое «избирательное сродство» (с точки зрения Вебера) с традициями и ценностями, преобладающими в данной стране в данное время. Другими словами, стратегия работает, если она имеет смысл для людей, которые в конечном счете

² Выдержки из двух интервью, проведенных в Киеве в декабре 2013 года. Образец руководства и образец интервью обсуждаются в источниках информации раздел ниже.

ее используют. У них не возникают трудности по соединению стратегии с повседневным опытом и его интерпретацией с точки зрения господствующей культуры.

Если возможность трансфера стратегии коллективных действий зависит от его избирательного сродства с местными институтами и с более широкой культурой, то предлагаемый нами анализ имеет также практическое значение. Мы предлагаем более точечный подход по отношению к политике, направленной на содействие извне массовым протестам (например, со стороны иностранных государств и международных организаций). В данной статье развивается подход, согласно которому только определенные стратегии могут быть успешно перенесены из одной институциональной среды в другую. Результат институциональных трансферов в конечном итоге можно спрогнозировать на основе оценки степени избирательного сродства между стратегиями коллективных действий и преобладающими в стране институтами, в которых данная стратегия считается приемлемой.

Данная статья состоит из четырех разделов, введения и заключения. В первом разделе обсуждается литература по проблеме репертуаров коллективных действий и возможности переноса их с одной почвы на другую. Во втором разделе приводятся некоторые базовые сведения о массовых протестах 2013–2014 гг. в Украине. Третий раздел посвящен описанию источников информации (серия глубинных качественных интервью и три массовых опроса). Раздел IV показывает, как результаты контент-анализа полученных данных могут сообщить нам информацию о возможности переноса репертуара. А именно, контент-анализ показывает, что в украинском случае стратегии коллективных действий (конкретные формы уличных протестов и сидячие забастовки) были адаптированы к особенностям национальной культуры, что объясняет их относительный успех.

I. Репертуар коллективных действий: между единичностью и модульностью

Функционалистский подход к выбору стратегий коллективных действий имеет открытый характер. Любая стратегия, которая служит для достижения желаемых коллективных целей с минимальными затратами, в конечном итоге может быть применена независимо от ее конкретного происхождения и укорененности в той или иной институциональной среде. Однако исторические и эмпирические исследования протестов показывают, что число альтернативных вариантов коллективных действий, как правило, ограничено.

Предложенная Тили концепция репертуара коллективных действий подчёркивает специфические пределы возможных альтернативных вариантов, на определенной территории в определенный момент времени. «Слово репертуар определяет ограниченное число установившихся практик, которые известны, распространяются и разыгрываются, несмотря на относительно целенаправленный процесс выбора» [Tilly 1995: 26; Traugott 1993: 310; Alapuro 2005: 378; Wada 2012: 545]. Наличие репертуара коллективных действий не исключает рационального выбора наиболее эффективных средств для достижения желаемого результата. Но концепция репертуара отсылает к конкретным ограничениям, налагаемым на субъектов, которые пытаются поступать рационально.

Предел доступных альтернатив репертуара коллективных действий зависит от исторических прецедентов. Если использовать категории институциональной теории, то репертуар коллективных действий, как правило, зависит от правила: «Вследствие незначительных событий и случайных обстоятельств может быть принято такое решение, которое поведет развитие технологии по строго определенному пути» [North 1990: 94]. В результате протестный репертуар, например, во Франции в XVIII веке отличается от репертуара XVIII века в Великобритании. В первом случае преобладали такие стратегии, как голодные бунты, шаривари

(шумные выступления обычно со свистом и ударами в металлические предметы), бунты против призыва на военную службу, уличные драки между селениями) и вооруженные восстания против сборщиков налогов [Tilly 1977]. Во втором случае наиболее распространенными стратегиями были изъятия зерна, атаки на заставы, где взымался сбор, нарушения официальных церемоний и фестивалей и групповая охота на запретной территории [Tilly 1995: 33–34].

Трауготт на примере баррикад [Traugott 1993: 309] показывает, как «выбор альтернатив одновременно ограничен прежним опытом и материальными, организационными и концептуальными ресурсами, которые находятся под рукой» актора. Стратегия возведения баррикад была впервые использована во Франции в конце XVI века. Она происходит из повседневной жизни парижан, которые преграждали прилегающие улицы, чтобы воры, шумные прохожие и транспорт не тревожили их покой [Traugott 1993: 313]. Эта мера оказалась эффективной: парижане начали сооружать баррикады во время массовых беспорядков как способ защитить себя от сил короля. А в конце XVII и XVIII веков баррикады стали главным элементом французских революций.

Пример баррикад наводит на мысль о том, что репертуар протестных действий обладает локальной и временной спецификой. В этом смысле Тилли [Tilly 1978: 143] открыто заявляет, что «поиск универсальных форм... далеко нас не уведет». Случай баррикад подчеркивает также тот факт, что ограничения встроены в протестный репертуар и имеют несколько измерений. Находящиеся в распоряжении демонстрантов технологические и материальные ресурсы (т. е. материальные условия) относятся к одному измерению. Другим измерением являются организационные ресурсы, ноу-хау и накопленный опыт. Иначе говоря, понятие репертуара как ограничения рационального выбора требует применения функционалистского (рациональный выбор) и конструктивистского (прошлый опыт и преобладающие ментальные модели, определяющие пределы возможных повседневных действий) методов изучения человеческого поведения.

Задача составления исчерпывающего перечня стратегий, которые составляют протестный репертуар в разных странах в разные моменты времени будет похоже на написание энциклопедии. В ограниченном пространстве статьи возможно рассмотреть несколько наиболее общих стратегий, имея в виду, что этот пример не является всеобъемлющим и репрезентативным.

Уличные протесты — неотъемлемая часть репертуара во многих странах Западной [Van Aelst, Walgrave 2001] и Восточной Европы [Guérin 2004]. Включенность уличных протестов в городскую культуру объясняет их популярность в урбанизированных странах. Ван Эйст и Волгрейв говорят о «нормализации» уличных протестов: демонстранты все чаще представляют различные гендерные, возрастные, по уровню дохода, образовательные и профессиональные группы. Уличный перформанс и элементы карнавала являются частным случаем коллективных действий в городской среде. Эти стратегии были использованы протестующими в таких постсоциалистических странах, как Сербия, Грузия и Украина [Beissinger 2007: 262; Nikolayenko 2007: 172].

Сидячие забастовки и захват административных зданий также восходят к урбанистической культуре. После финансового кризиса 2008 года (Occupy movement) и подобные акции в крупных городских центрах обрели многочисленных последователей в Северной Америке. Движение «Захвати Уолл-стрит» имеет несколько предшественников, включая сидячие забастовки в американских университетских городках в 1960 [Chabot, Duyvendak 2002: 725]. Эта форма протеста тоже представляет интерес для анализа репертуара протестных действий в некоторых постсоциалистических странах, например в Венгрии, Словакии, Словении [Szabó 1996: 1166] и Кыргызстане [Temirkulov 2008: 328].

В индустриальных обществах стачка преобладает как форма протеста. Она образует элемент репертуара рабочего класса: например, крестьяне, не организовывали стачек с целью добиться выполнения каких-либо требований [Tilly 1978: 159; Biggs 2013: 409]. Сильные традиции самоуправления трудящихся сделали стачку соответствующей альтернативой. Например, стачка была в начале 1990-х распространенной формой протеста в Словении [Szabó 1996: 1167]. Популярность самоуправляемых предприятий — отличительная черта югославской модели социализма [Oleinik 2006]. С другой стороны, сила ассоциативных организаций служит для предотвращения стачек и уличных протестов. При таких обстоятельствах становятся популярными формализованные формы разрешения конфликтов: коллективных переговоры и торги [Alarpuro 2005].

Массовые протесты имеют тенденцию к применению физической силы. В репертуар насильственных форм борьбы входят столкновения протестующих с силами полиции, погромы, травля, запугивание и убийства представителей государства и т. д. Но при обсуждении насильственных форм протеста надо всегда учитывать, что насилие протестующих обычно не больше, чем простая реакция на насилие государства. Чрезмерное применение силы со стороны полиции (аресты и задержание активистов) позволяет протестующим узаконить свое сопротивление. Для этой модели характерны отношения антиглобалистского движения в Северной Америке с силами полиции [Thompson 2007]. Она наблюдается также в некоторых постсоциалистических странах, а именно в Кыргызстане. Там в 2005 году гражданское неповиновение протекало мирно до тех пор, пока полиция не применила силу против демонстрантов, которые захватили административные здания [Temirkulov 2008: 328].

Средства массовой информации модернизируют стратегии массовых протестов и содействуют появлению новых элементов в репертуаре. В первом случае эффект медиа способствует мобилизации и росту больших групп протестующих. В прошлом уличные протесты в Западной Европе обычно инициировались в соответствии с интересами таких организаций, как профсоюзы или политические партии. При ведущей роли средств массовой информации (как это было в случае протестов Белого Марша против преступного насилия в Бельгии в середине 1990-х) число протестующих превышает обычные показатели и они становятся более диверсифицированными [Van Aelst, Walgrave 2001: 478].

Особенно мощным инструментом мобилизации оказался Интернет. Некоторые ученые говорят даже о новом поколении коллективных действий — массовых протестах мобилизованных через Интернет. Массовые протесты на Ближнем Востоке в 2010–2013 годах (неофициально названные Арабской Весной) часто начинались как группа в Facebook и Интернет-форумах, что в конечном итоге привело к уличным протестам, сидячим забастовкам и другим, более традиционным стратегиям коллективных действий [Attia 2011; Hofheinz 2011: 1419–1420]. Средства массовой информации, цифровые медийные сети помогают достичь высокого уровня диверсифицированного участия [Walgrave 2011: 345]. Как правило, в виртуальном пространстве протеста особенно активны представители молодого поколения. Но остается открытым вопрос: достигает ли мобилизация с помощью сети Интернет краткосрочных или устойчивых результатов? Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что виртуальные сообщества образуются легче, чем в живом общении, но они могут также быстро распасться [Kujawski, Abell 2011].

Средства массовой информации создают также условия для возникновения новых форм протестных действий. Это наблюдение особенно актуально в отношении сети Интернет. «Интернет действительно не только поддержал традиционные оффлайн социальные протестные действия, такие как классические уличные демонстрации, делая их более транснациональными, но также стал питательной почвой для создания новых форм протестных действий в сети Интернет. Также можно утверждать о появлении онлайн-модификаций уже существующих в

Интернете протестных действий» [Van Laer, Van Aelst 2010: 1147]. Например, в репертуар онлайн-протестов включаются онлайн-петиции и виртуальные сидячие забастовки. В отличие от обычных сидячих забастовок, виртуальные сидячие забастовки устраиваются на просторах сети Интернет. Примером тому служат нападения на правительственные веб-сайты [Van Laer, Van Aelst 2010: 1157].

Последние тенденции в литературе по проблеме репертуара коллективных действий показывают, что формы протестных действий могут быть модульными, то есть их можно использовать в различных странах и периодах времени. Если акцентировать единичность репертуара коллективных действий, то исследования приобретут историко-информационный характер, тогда как идея модульности базируется на прикладных исследованиях в этой области. Работы, посвященные арабской весне и цветным революциям (серии массовых протестов в постсоциалистических странах в 2000–2005 гг.), обычно исходят из посылки: данные события имеют общие основания и механизмы. В конечном счете цветные революции вызваны фальсификациями выборов. «Хотя авторитарные режимы постоянно нарушают права граждан, одновременно некоторые из них затрагивают лично большую часть населения. Поэтому «украденные выборы» работают» [Kuntz, Thompson 2009: 258; Beissinger 2007: 263; Beissinger 2011: 36]. Протесты склонны также принимать общие формы: уличные протесты с элементами карнавала характерны для цветных революций [Beissinger 2007], тогда как онлайн-мобилизация была ключевой особенностью Арабской весны.

Модульный репертуар коллективных действий может быть адаптирован в новой институциональной среде. «Модульность относится к легкости, с которой модель протестного поведения можно узнать, адаптировать, сделать повседневной практикой (рутиной), и перенести из одной группы, одного места или одного момента к другому» [Traugott 1995: 7].

Не все стратегии становятся модульными; некоторые из них остаются единичными. Построение баррикады является стратегией, которая вначале была единичной (по причине встроенности в культуру парижан), а затем постепенно превратилась в модульную (по причине широкого использования во время европейских революций XVIII века). В этой связи Трауготт [Traugott 1993: 317] отмечает, что «баррикады настолько широко распространены, что мы вынуждены заключить, что они ... не связаны только с одним конкретным периодом».

Глобализация способствует увеличению модульности репертуаров. Модели коллективного действия представляют собой подмножество репертуара социальных и индивидуальных действий. С учетом условий глобализации, «общие модели социального порядка обретают значимость в различных социальных условиях» [Meyer 2000: 233–234; Appadurai 1996]. Протестные стратегии — не исключение. Они пересекают географические и временные границы, становятся предметами выбора прежде разобщенных групп протестующих. Такое рассуждение подводит ученых, изучающих массовые протесты, к предположению: глобализация увеличивает относительное количество модульных стратегий и уменьшает относительное число единичных стратегий.

Диффузная модель [Wada 2012: 546–548; Biggs 2013: 409] определяет два основных канала, через которые единичная стратегия может в итоге приобрести модульный характер. Первый канал относится к механизмам соотнесения. Протестующие из разных стран непосредственно встречаются друг с другом. Они также обсуждают и обмениваются информацией относительно стратегий, которые работают в виртуальном пространстве Интернета. Сети активистов возникают как спонтанно, так и целенаправленно при содействии различных спонсоров в их организации: международных НПО, иностранных правительств, заинтересованных проблемой всеобщих прав человека и т. д. Например, до оранжевой революции 2004 г. группы украинских активистов приняли участие в серии летних лагерей, семинаров и практикумов, посвящённых обсуждению протестного репертуара, которые доказали свою эффек-

тивность в Сербии в 2000 году и в Грузии в 2003 году [Beissinger 2007: 262, 270; Nikolayenko 2007: 182]. Эти встречи были спонсированы Freedom House, Фондом Сороса и правительства США.

Второй канал подразумевает безотносительные механизмы копирования успешных моделей. Если протестующие разрабатывают аналогичные когнитивные модели и схемы, они, как правило, используют подобные стратегии коллективных действий. Например, общие когнитивные схемы возникают в результате чтения тех же книг. Как сообщают, украинские протестующие, как и протестующие в других странах, ощутили влияние цветных революций и вдохновились книгой Дж. Шарпа о стратегиях мирного перехода к демократии [Nikolayenko 2007: 182].

Анализ когнитивной стороны процесса распространения моделей коллективного действия позволяет обрести более точное понимание модульности. Стратегии коллективных действий не могут быть скопированы без существенных изменений или адаптации к новым условиям институциональной среды. Шабо и Дювендак [Chabot, Duyvendak 2002: 707] используют для разделения двух форм модульного действия категории *помещение* (dislocation) и *перенесение* (relocation). «Процесс *помещения* есть эмоциональное и когнитивное признание, что успешные стратегии коллективного действия могут быть применены в других условиях, так что инновации, возникшие в другой институциональной среде, могут работать также за ее пределами, в то время как *перенесение* (relocation) предполагает коллективные эксперименты с новыми протестными идеями и практиками уже в условиях новой среды. *Перенесение* требует большей отдачи со стороны акторов, участвующих в процессе распространения модели. Знание теории не гарантирует общий успех. Акторы должны быть в состоянии объединить традиционные институты и новые нормы, на которых основаны *перенесенные* стратегии».

На первый взгляд, использование стратегии, которая доказала свою эффективность в другой культурной среде, может показаться невозможным. Например, пост и другие стратегии ненасильственного сопротивления, популяризированные Ганди, изначально казались совершенно чуждыми многим активистам в Соединенных Штатах, в том числе таким выдающимся деятелям, как У.Э.Б. Дюбуа, который утверждал, что в Англии и ли Америке пост «будет рассматриваться как шутка или как безумие» [Biggs 2013: 410]. И все же некоторые элементы репертуара протестных действий Ганди были успешно адаптированы американским движением за гражданские права в 1960-е годы [Шабо и Duyvendak 2002]. Афроамериканские студенты, которые инициировали сидячие забастовки, явно использовали учения Ганди как источник вдохновения.

Кыргызстан предлагает еще одну иллюстрацию комбинации традиционных и заимствованных институтов. Тюльпановая революция 2005 года сочетает уважение к традициям с использованием модульных стратегий. Роль триггера сыграли «украденные выборы», но «основными методами, которые использовались для привлечения сторонников, стали уже существующие неформальные традиционные институты», такие как курултай (народный сбор) аксакалов (старейшин) и палваны (традиционные борцы, которые пользуются популярностью и уважением) [Temirkulov 2008: 318].

Кто обеспечивает когнитивную и практическую работу по *помещению* и *перенесению* моделей коллективного действия? Она может быть либо спродюсированной, либо сделанной самостоятельно членами общины. Представители культуры рекомбинируют институциональные элементы, доступные в той или иной культуре, совмещая их с перенесенными стратегиями. При этом они стремятся получить материальную или моральную (статус, власть) прибыль [Davis, North 1970; Oleinik 2012]. Коммунитарная модель не предполагает зависимости от конкретных лиц. «Ключевыми акторами [являются] не общепринятые лидеры обществен-

ного мнения или СМИ, но критически настроенное сообщество и его члены» [Chabot, Duyvendak 2002: 727]. Члены сообщества разделяют когнитивную и практическую работу, необходимую для использования или перенесения потенциальных модульных стратегий.

Обзор литературы показывает, что вместо рассмотрения идей единичности и модульности как взаимоисключающих надо предположить бытие континуума их промежуточных значений. Вада [Wada 2012: 546] полагает, что «модульность следует представить, как степень переносимости спорной формы через различные спорные ситуации». Однако он приводит крайне ограниченный пример: четыре округа нынешнего Большого Лондона. Вряд ли можно полагать их значительную культурную неоднородность, особенно в XVIII–XIX вв. — в период времени, анализируемого Вада.

Настоящее исследование направлено на изучение следующей гипотезы. Существует высокая степень избирательного сродства между традиционными институтами той или иной страны и потенциальным модульным репертуаром, способствующим его распространению в данной стране. Если распространение принимает форму помещения модели коллективного действия в другие пространственные и временные условия (*dislocation*), то обычно требуется минимальная познавательная и практическая работа. В случае распространения в виде *перенесения* (*relocation*) необходимо затратить больше познавательных и практических усилий. Тем не менее, избирательное сродство увеличивает шансы на успех акторов институционального трансфера, представителей культуры или членов сообщества. Низкая степень избирательного сродства означает, что в данной конкретной институциональной среде могут быть эффективны только специфические стратегии. Никакие акторы (за исключением самых находчивых) не смогут сделать модульный репертуар работоспособным в данной культуре.

II. Майдан 2013. Case study

Для метода кейсов была выбрана ситуация на Украине в конце 2013 года. Формат кейса невозможно использовать для проверки исследовательской гипотезы формальным образом. Тем не менее он помогает ее изучить, и решить: оправданы или нет дополнительные исследования.

Массовые крупномасштабные протесты регулярно повторяются на Украине. Первая волна завершилась Оранжевой революцией 2004 года. Вторая волна началась в 2010 году протестами против нового Налогового кодекса и завершилась в конце ноября-декабря 2013 года. Периодический характер массовых протестов делает украинский случай наиболее интересным для изучения. Наличие многочисленных событий внутри одной страны готовит почву для определения стратегий массовых протестов, которые работают (способствуют крупномасштабной и устойчивой мобилизации) в этой институциональной среде. В случае Украины подтверждается, что эффективные стратегии извлекаются из успешного переноса модульных стратегий. Их успех можно отнести к высокой степени избирательного сродства между некоторыми модульными стратегиями и традиционными институтами, соединенными с усилиями членов сообщества.

Протесты начались в Киеве, столице Украины, 22 ноября 2013 года. На этот раз они не были спровоцированы «украденными выборами», что позволяет здесь исключить из рассмотрения одну из модульных стратегий (использование «украденных выборов» для целей мобилизации). Отказ президента Януковича подписать соглашение о сотрудничестве с Европейским Союзом (ЕС) стал триггером массовых акций протеста. При его рассмотрении следует иметь в виду, что до принятия решения Януковичем никакого референдума не было. Кроме того, общественное мнение в Украине было разделено на два альтернативных направления — Европейское и Российское (постсоветское). Опрос, проведенный по репрезентативной вы-

борке населения Украины в мае 2013 Центром Разумкова показал, что 41,7% респондентов поддержали ассоциацию с ЕС, 31% высказались в пользу членства Украины в Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана и 13,5 % хотели сохранить независимый статус стране. Другими словами, проблема экономической ассоциации с ЕС не играет центральную роль для большинства населения.

В 2013 году протестный репертуар включал в себя несколько стратегий: уличные протесты, сидячие забастовки, захват административных зданий и публичных мест (центральной улицы Крещатик и центральной площади Независимости, и зданий Киевской городской государственной администрации, профсоюза и Украинского дома), баррикады, забастовки, а в январе-феврале 2014 года физические столкновения с полицией и погромы. Даже те стратегии, которые использовались ранее (в 2004 году) были изменены в течение 2013 года на волне массовых протестов. Данная модификация и адаптация находятся в фокусе настоящего исследования. Они полагаются важными факторами, которые обусловили блестящую способность граждан сопротивляться атакам правительства и поддержку протестов на протяжении длительного периода времени. Протестующие отстранили от должности Президента Януковича. В дальнейшем мы обсудим успех протестующих с точки зрения их мощного потенциала продолжительного сопротивления, а также дадим оценку их успеха или неудачи после достижения конкретных целей (например, повышение ответственности правительства перед населением).

Активная фаза протестов продолжалась около трёх месяцев: с 22 ноября по 22 февраля 2014 года, когда президент Янукович покинул свой кабинет под возрастающим давлением со стороны протестующих. Столь длительный период непрерывных протестов — беспрецедентное явление как в современной истории Украины, так и в других постсоциалистических странах. Фокус настоящего исследования — период с конца ноября до конца декабря 2013 года. В течение этого периода насильственные стратегии противостояния правительству использовались только спорадически и в несистемной форме (в противовес декабрю-февралю 2014 года, когда начали преобладать физические столкновения с силами полиции и погромы).

На данном этапе большинство протестующих представлено молодым поколением. Они организовали серию уличных шествий и выстроили палаточный городок в центре Киева. Для разгона протестующих полиция применила силу 30 ноября 2013 года и 11 декабря 2013 года. Но попытки правительства урегулировать конфликт путем применения грубой силы только укрепили желание протестующих к сопротивлению. «Насилие власти по отношению к тому, что свободный гражданин считает священным, только укрепляет его сопротивление» [Макаренко 1998: 237]. Кроме того, число протестующих начало возрастать, поскольку их ряды пополнили члены старших поколений. В разгар протестов в декабре 2013 года в уличных шествиях только в Киеве приняло участие более миллиона украинцев.

Основной причиной для ограничения исследования ноябрём — декабрём 2013 года служат два основания. С одной стороны, судя по числу участников этот период отмечен высшей степенью активности. С другой стороны, первичные данные были собраны в конце декабря, и для более глубокого понимания последующего развития требуется сбор дополнительной информации.

III. Источники информации

Case study включает использование данных из различных — первичных и вторичных — источников. Вторичные источники включают три опроса, проведённые Илько Кучерив (*Фонд демократической инициативы*) дважды в декабре 2013 года и в феврале 2014 года. Исследователи пытались привлечь участников уличных протестов в Киеве (первый опрос) и сидячей

забастовки на Крещатике (второй и третий опрос). Уличные протесты часто принимают форму стационарных протестов (например, митинги) в отличие от движущихся протестов (например, марши). Стационарные протесты — Вече и Майдан. В Медиа и исследовательских отчётах сидячие забастовки названы также Табір и Січ [Ішко Kucheriv Democratic Initiatives Foundation 2014].

Избранные названия не случайны. Все четыре относятся к стратегиям коллективных действий, которые существовали в украинской истории. Вече означает массовое собрание в центре города, в течение которого население (представители всех социальных групп без исключения) определяло вопросы общественной значимости, в том числе подписание соглашений с правилами и их отменой в случае его неудовлетворительного исполнения [Ключевский 1956: 192; Ключевский 1957: 68; Макаренко 1998: 172–173]. Вече существовало во времена Киевской Руси. Аналогичный смысл имеет слово Майдан. Оно означает открытое заседание в центральном месте в городе или деревне, на котором определялись вопросы, представляющие общественный интерес. Майдан продолжал функционировать до начала XX века³. В отличие от Вече как городского феномена Майдан тесно связан с провинцией.

Лагерь запорожских казаков назывался Табір (или кіш). Он представлял собой набор куреней, окруженных телегами в виде круга. Такое расположение служило эффективной организацией защиты против возможных атак неприятеля. Слово Сечь означало постоянное поселение Запорожских казаков, а также их столицу (исторически она была расположена на острове Хортица на реке Днепр — район нынешнего Запорожья). Другими словами, табір представлял собой временный казачий лагерь, устанавливаемый во время их военных походов, тогда как Сечь — постоянная столица, казачье ядро, центр казачьего владения, их дом, проще говоря. [Yavornytsky 1990: 58].

Задача проведения опроса среди участников протеста связана с известными сложностями [Walgrave, Verhulst 2011: 207]. Исследователи опрашивали протестующих в определенных ключевых точках стационарной толпы (Вече) и в палаточных лагерях (Сечь). У исследователей не хватило времени для проведения качественных интервью и постановки открытых вопросов, которые расширили бы список альтернатив в закрытых вопросах.

Но собранные авторами первичные данные позволяют преодолеть этот разрыв. Они провели 33 интервью на русском и украинском языках в период с 27 декабря по 28 декабря 2013. Два интервью не были записаны и потому исключены из анализа. Проведение интервью включало вопросы о причинах респондента для вступления в ряды протестующих, его/ее опыт участия в различных акциях протеста и некоторые ключевые концепты, такие как свобода, доверие и власть. Двадцать из 31 респондента являются участниками Вече, они не жили в палаточном городке постоянно. Девять респондентов жили в палаточном городке. Два остальных интервью были проведены с лидерами протеста для получения данных по организационным вопросам из первых рук⁴. Качественные, глубокие, полиструктурированные интервью продолжались от 6 до 40 минут.

Интервью были транскрибированы и проведен контент-анализ с помощью компьютерной программы для качественного и количественного контент-анализа QDA Miner ver. 4.1.6, разработанной Provalis (Монреаль, Канада). Кодовая книга для качественного контент-анализа содержит 23 кода, сгруппированных в четыре категории: Репертуар (различные стратегии коллективных действий), Организация (субъекты, участвующие в управлении палаточного городка и Вече), Основы (понимание ключевых концептов) и причины протеста (см. таблицу

³ Стихотворение раннего Павла Тычины, украинского поэта 20-го века, начинается: «На Майдані біля церкви, революція іде» (1918).

⁴ Авторы благодарят Ореста Драла за его ценную помощь в организации двух интервью с лидерами протеста.

3 в Приложении). Использование контент-анализа может быть оправдано существованием связи между инструментальным репертуаром и дискурсивным репертуаром коллективных действий. «Подобно инструментальным версиям, создающим шаблоны действий, дискурсивные репертуары обеспечивают протестующих словарем мотивов, которые могут легитимизировать их действия» [Traugott 1995: 5].

Тот факт, что интервью проводились на двух языках, ограничило набор возможностей, доступных для количественного анализа содержания и для оценки надежности качественного кодирования. В частности, оказалось невозможно провести корреляционный анализ. А именно, анализ слов со-вхождений и расчет коэффициентов корреляции между матрицами качественных кодов, прописанных с помощью словаря, основанного на замещении, оказался неосуществимым [Oleinik 2013].

Значение альфа Krippendorff является 0,419, что позволяет полагать уровень надежности приемлемым⁵. Читатель также должен иметь в виду, что существующие компьютерные программы не содержат такого варианта расчета меры надежности для пакетирования, который снимает все меры надежности для текстов кодирования. Пакетирование предполагает выявление смежных разделов (предложения, абзацы), содержащих информацию, относящуюся к кодам в пределах транскрипта.

IV. Анализ

Данные по протестующим включают четыре источника — три опроса и серию глубоких интервью. Их сравнение позволяет установить наличие двух паттернов: *подтверждаемости* (производство тех же результатов с помощью различных исследовательских методов) и *взаимодополняемости* (использование различных методов исследования позволяет раскрыть различные аспекты изучаемого явления) [Brannen 2005]. Характер *подтверждаемости* относится к гендерной, возрастной и географической составляющим группы протестующих. Все четыре источника показывают преобладание мужчин, особенно в местах сидячих забастовок (Табир и Сечь, см. таблицу 1). Абсолютное большинство или, по крайней мере, большая часть протестующих пришли из западных регионов Украины (Львов, Ивано-Франковск, Тернополь и т. д.) (данные об этом содержатся в таблице 1).

Паттерн *взаимодополняемости* отсылает к причинам участия в акциях протеста, указанных респондентами. Опросы и интервью сходятся в выявлении трех наиболее распространенных причин, хотя вопросы анкеты не включают исчерпывающего перечня альтернатив. Тем не менее интервью позволило авторам обнаружить несколько альтернатив, которые не были включены в исследование.

Одна из наиболее часто упоминаемых причин — использование правительством физической силы против протестующих. Полиция использовала дубинки, резиновые пули, водяные пушки (при температуре воздуха значительно ниже 0° С) и слезоточивый газ. Полиция арестовала также значительное количество активистов (они были освобождены только во второй половине февраля 2014 г.), они преследовались и другими способами (хулиганы, «*титишки*»; их били и пытали, а также разбивали автомобили).

⁵ Не достигнув предварительной согласованности, авторы независимо закодировали интервью 3–5 раз. В проекте, в котором 4 исследователя кодировали 37 текстов среднее значение для всех пар кодеров был 0,537 (Олейник и др. 2013.: Таблица 3). Тем не менее, тексты закодированных в этом проекте приняли формат научных статей и эссе. Стенограммы углубленных интервью имеют более свободную структуру, что затрудняет достижение соглашения, возможно.

Да, после того, как избили студентов, наблюдался очень яркий и очень сильный энергетический, такой, скажем так, накал, такой, мы не разрешим. Ну, скажем так, что мы больше не дадим наших девушек, наших матерей (мужчина, 40–54 года, организатор).

Я думаю, спочатку влада хотіла розігнати для того, щоби залякати людей. Думали раз зачистять Майдан, та й все. А це обурило народ — ніхто не захотів здаватися (мужчина, 24 года и меньше, Вече).

І з ким не говорить, всі кажуть — та ладно, вже той евросоюз, чи не евросоюз, але як можна, щоби наших дітей били?! От всі говорить тільки про то. Людей, дітей. Ну, так неможливо! Так неможливо! (женщина, 40–54 года, Вече).

Отказ президента заключить договор об экономической ассоциации с ЕС занимает второе место во всех случаях, кроме одного (третьего опроса в феврале 2014). Следует отметить, что эта причина не была довлеющей даже на ранних этапах мобилизации, вопреки убеждениям многих наблюдателей.

что сразу оно все не построится, например, если человек заболел, ему перед операций, да, человека вылечат, операцию сделают, это длительный процесс, потом человек выздоровеет, и у нас так постепенно бы было, мне кажется, все налаживается, там лучше, естественно. Там же (женщина, 40–54 года, Сечь).

Нет, если взять не по активности, а по событиям, первая тема была тема Евромайдана (мужчина, 40–54 года, лидер).

Я рахую, що якщо взяти наш український народ, який зараз на Майданш — ми ж бачимо, скільки тут є людей — їхня мета в тому, щоби відстояти Евросоюз (мужчина, 25–39 лет, Вече).

Третья наиболее важная причина (второй опрос в феврале 2014) относится к желанию протестующих изменить правящую элиту. Люди, находящиеся у власти, считаются эгоистичным и отчужденными от обычных людей. Фактическое отсутствие обратной связи в отношениях между носителями власти и простыми людьми (за исключением выборов, результатами которых можно управлять) подкреплено имиджем государства и его представителей в качестве самодостаточной и самостоятельной сущности.

надо менять, надо менять систему власти, здесь разбухает аппарат, который не работает, который не продуктивен, который... то есть сидит на плечах у народа и в принципе толку от него никакого (мужчина, 24 года и меньше, Вече).

Але найбільша проблема, на мою думку, яка цей Майдан завела — це, фактично, ненависть до влади. Ненависть (мужчина, 40–54 года, лидер).

Я прийшла на Майдан, щоби було видно, що є противага владі, яка вважає, що вона єдина представляє Україну (женщина, 25–39 лет, Вече).

В 2013 протесты начались после приостановки президентом экономической ассоциации с ЕС, но они очень быстро вышли за пределы этого вопроса. Протесты высветили широкий спектр проблем, которые разделяли и противопоставляли правящую элиту и простых украинцев. Качественное кодирование помогло выявить ряд причин присоединения к акциям протеста, которые не были включены в список альтернатив, используемых в анкете. Этот список включает в себя недовольство низким уровнем жизни, личная неприязнь к президенту Януковичу, широко распространенная коррупция и необходимость сохранить подлинную независимость Украины после двадцати лет существования официально независимого государства. Последняя причина подчеркивает развитие внутренних источников социально-экономического развития Украины, в отличие от взгляда то на восток, то на запад: «Для меня ни Россия, ни

Европа как бы не столь важны. Я хочу, чтобы Европа была в Украине, чтоб мы жили хорошо. Не надо нам союз, там с теми или с иными» (мужчина, 40–54 лет, Сечь). Взятые вместе, эти четыре последние причины упоминались чаще, чем даже злоупотребление правительством в применении физической силы! Другими словами, в 2013 году протесты не имеют определенного триггера. Рано или поздно взаимодействие между насильственным, самодостаточным и отчужденным от народа правительством и населением привело бы к взрыву.

Теперь обратимся к поиску объяснений продолжительности массовых протестных действий и стремлению протестующих продемонстрировать сопротивление. Если верна рабочая гипотеза, сформулированная в конце первого раздела, то объяснение относится к укорененности протестного репертуара в украинских традиционных институтах. Такие стратегии, как уличные протесты и сидячие забастовки, могут быть также модульными действиями, если они в конкретных условиях приобретают формы, тесно связанные с традиционными институтами: Вече и Сечь, глубоко укоренены в истории Украины.

Опросы включали вопрос о готовности респондента принять участие в различных формах протестов (табл. 2). Их популярность варьируется в зависимости от различных групп протестующих. Митинги и уличные протесты представляют собой наиболее популярную форму. Пикетирование государственных органов занимает второе место. Участие в выборах и забастовках также популярно. В конечном счете, жители палаточного городка (Сечь) ожидаемо показывают высокую готовность принять участие в сидячих забастовках (см. об этом в таблице 2).

Популярность уличных протестов, как санкционированных так и несанкционированных (среди жителей Сечи), может быть связано с постепенной адаптацией этой модульной формы к местным условиям и традициям. Форма уличных протестов развивалась в направлении большей адаптации к украинской культуре. Сравнение Майдана в 2013 году с Майданом в 2004 году проливает некоторый свет на эти изменения. В ноябре-декабре 2004 преобладали карнавальные элементы: рок-концерты, оранжевые полосы и непринужденная атмосфера.

(Вот впечатления от того раза и сейчас? Сравните).

Смутно помню, но тогда было все как-то, как-то мне казалось, за несколько дней все поменялось. Оно было как концерт такой, когда все пришли, все крикнули «Ющенко так», спели песни, повесили оранжевых ленточек и как бы все поменялось (мужчина, 24 года и меньше, Сечь).

В 2013 году Майдан приобрел более традиционные элементы, одновременно он становился более агрессивным. Термин Вече подходит по духу Майдану 2013 гораздо лучше, чем в 2004. Религия стала одним из звеньев, соединяющих модульную форму уличных протестов с традиционными институтами. Священники (Украинской православной, католической, мусульманской и иудейской церквей) и религиозные символы были особо заметны в протестах 2013 г. Вече обычно начиналось с общей молитвы.

тут много их на сцене бывает. Я не разбираюсь, киевский — не киевский, я где православные-католики. — {Вы сами не верующий, да?} — Я в Московском патриархате, но на сцене что-то разницы я не вижу. Если церковь с народом... (мужчина, 40–54 года, Сечь).

Другой традиционный элемент можно увидеть в порядке, в котором Вече функционировало как место для обмена информацией. Официальные массмедиа тщательно контролируются и цензурируются со стороны правительства⁶. Значительная часть протестующих, особенно

⁶ В 2013 году Украина заняла 126 место из 179 в World Press Список Репортеры без границ (2014). По сравнению с 2012 годом, ситуация ухудшилась: Украина потеряла десять позиций в рейтинге.

представители старшего поколения, ограничены или не имеют доступа к Интернету. Вече стало местом, где можно было свободно обмениваться информацией. Протестующие получали информацию как от выступавших со сцены, так и из уст в уста, лицом-к-лицу с другими протестующими.

Треба більше інформації. Піде процес. Тут просто йдуть узнати інформацію, почути, розібрати лістовки, попити чай, глянути, що воно далі, почути зі сцени як іде процес. Тобто і мало інформації і вот воно... Інформація править світом. Буде інформація — піде процес. (жінщина, 40–54 года, Вече).

если даже приходишь сюда, ты узнаешь намного больше, чем ты услышишь по телевизору, правильно? (мужчина, 24 года и меньше, Вече).

Возрождение традиционных форм прямой демократии подчеркивает также присущие ей ограничения. На Вече решения принимались большинством голосов. Тем не менее, превосходящую силу голоса часто заменяют на прочность аргументов. Нет точного подсчета голосов в пользу или против конкретного предложения. Аналогично Вече в Киевской Руси, «на вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать на ухо, скорее по силе криков, чем по большинству голосов» [Ключевский 1957: 69].

Близость традициям еще более выражена в организации палаточного городка — Сечи. Структура палаточного городка в центре Киева воспроизводила некоторые особенности казацкой Сечи. Центр города (большая часть Крещатика и площади Независимости) был окружен баррикадами, которые играли роль телег в оригинальной версии. Баррикады были оформлены баннерами и укреплены с помощью мешков с песком, камней, металлических барьеров и колючей проволоки. *Баррикады Сечи* представляют собой креативный вариант французских баррикад как модульной стратегии применительно к местным традициям, что в результате делает их одним из элементов традиционного институционального устройства.

Внутренняя организация палаточного городка также воспроизводит черты Сечи. Около палаток был зажжен огонь. Протестующие собирались вокруг него и готовили блюда в казанах. Барабаны использовались охранниками, которые зачастую были одеты в традиционные казацкие костюмы, чтобы разбудить других протестующих, спящих в палатках, в случае опасности. Палаточный городок занимал свое центральное место, пространство вокруг сцены, где каждое утро проходили молитвы. Во время Вече (обычно по воскресеньям) палаточный городок становился центром уличных протестов. Сотни тысяч жителей и гостей Киева из других частей страны тогда присоединялись к «постоянному» населению палаточного городка (около 5000 человек).

Запорізька Січ у чистому вигляді. {Але ви сказали, що ті традиції Запорізької Січі не є дуже адекватні...} Не дуже, але це нагадує Запорізьку Січ. Це табір. Це козацький табір. Це козаки отак от коли в полі чекали нападу ворога, то вони отак отаборилися, оточували себе возами, а тут — барикадами — то є натуральний козацький табір. Це український архетип. То, що зараз є Майданом — це є суміш вічевої традиції, яка йде ще з часів Київської русі, коли люди збиралися і могли собі князя вибрати, або вигнати. Це суміш вічевої традиції і напіввійськової організації, якою була Запорізька Січ (мужчина, 40–54 года, організатор).

{А как бы вы описали в целом атмосферу на Майдане?} — Ну как же, есть, уже говорили, придумывать не буду, как Запорожская Сечь, только в современной постановке (мужчина, 25–39 лет, Vechе).

Анализ кодирующей последовательности и кодирования совместной встречаемости (смежности) подтверждает, что «Традиции» были упомянуты в обсуждении Вече и Сечи чаще, чем когда собеседник ссылался на другие стратегии протестного репертуара. А именно, коды «Традиции», «Вече», «Лагерь» и «Бой» образуют кластер, который стоит отдельно от других кодов (рис. 1). Из всех кодирующих последовательностей код «Традиции» идет первым, вероятность наличия рядом кода «Лагерь» выше, чем любой другой из оставшихся 21 кодов (см. рис. 1). Последовательность кодов «Традиция» — «Лагерь» возникает существенно чаще, чем по чистому совпадению (Z значение = 3,33, $p = 0,003$)⁷.

Стратегия забастовки также представляет собой интересный случай. Забастовка является одним из четырех или пяти самых популярных стратегий среди протестующих (табл. 2). Лидеры политических партий, поддерживающих протесты (Виталий Кличко *УДАР*, Арсений Яценюк *Батьківщина* и Олег Тягнибок *Свобода*) сделали несколько попыток, чтобы начать забастовку в качестве меры, чтобы получить уступки со стороны правительства⁸. Эти попытки ни к чему не привели, поскольку не произошло даже небольшой по масштабу забастовки.

Традиция забастовок была возрождена в конце 1980 — начале 1990-х, когда шахтеры в Донбассе организовали несколько забастовок. Но никаких конкретных усилий не было приложено для адаптации этой стратегии к новым обстоятельствам (рабочие составляли 6,7% участников Вече, 14,4% жителей Табира и 15,2% жителей Сечи). Чтобы быть работоспособной, стратегия забастовки должна была стать привлекательной для офисных работников, крестьян, студентов и пенсионеров.

Ненасильственное сопротивление находится среди других исторических прецедентов, которые не были возрождены на протяжении протестов в 2013 г. Стратегия сопротивления Ганди была принята некоторыми украинскими политическими заключенными в советских тюрьмах. Они явно пытались внести ненасилие в репертуар борьбы до начала массовых протестов в ноябре 2013 г. [Grytsyak 2013]. К сожалению, их усилия прошли практически незамеченными.

Исторический репертуар борьбы в украинском случае был достаточно широк. Он даже содержит в себе протест в форме самоубийства, а именно самосожжение Олексы Гирнык в 1978 г.⁹, истоки которой, видимо, можно проследить до жертвы Куанг Дук [Biggs, 2013: 418]. Однако для возобновления данные традиции требуют значительной работы по обновлению и адаптации к сегодняшним модульным действиям.

Какие акторы выполняли эту работу в случае Вече и Сечи и при выполнении аналогичных задач в других случаях? Если они были политическими лидерами, то применяется модель *спродюссированная*. Если они являются членами общины, то более подходит *коммуни-тарная* модель. По сравнению с протестами 2004 г. в 2013 году протесты показали отход от модели *спродюссированной*. Лидеры трех вышеупомянутых оппозиционных партий не организовывали массовые акции протеста. Они были просто не в состоянии заявлять свои права в январе-феврале 2014 году, когда произошли ожесточенные столкновения между демонстрантами и полицией. Собеседники неоднократно подчеркивали, что протесты 2013–2014 гг. были протестами людей, и потому относятся к модели без лидера. Код «Самоорганизация» имеет самую высокую частоту из всех 23 кодов (табл. 3).

⁷ Частота («Традиции») = 38, частота («Лагерь») = 78, «Лагерь» следует за «Традиции» 11 раз (28,9% раз), «Традиции» возникают до «Лагерь» также в 11 раз (14,1%), 20,8% это процент всех последовательностей равный текущей последовательности.

⁸ Например, Кличко намеревался начать забастовку 23 января 2014 г. если переговоры между лидерами трех партий и правительства не удались (Украинская правда 2014). Переговоры не удались, но забастовка не началась.

⁹ Дело Гирнык было упомянуто в одном из интервью.

цей Майдан він народжувався стихійно... Цей Майдан не є партійний. Цей Майдан не скликали партії — УДАР, «Свобода», «Батьківщина». Цей Майдан є громадянський. Тому 90% людей, які тут знаходяться, вони заявили, що вони приїхали самостійно. (мужчина, 40–54 года, організатор).

Ні. Я в ніякій партії не є. Я суто вільний безпартійний громадянин, який відстоює свої права і права інтереси свого народу. (мужчина, 25–39 лет, Вече).

одним из достижений этого Майдана есть это объединение, потому что оно мне напоминает ээ «солидарность» польскую. Оно, также как и «солидарность», на фоне этого бунта организовалось, ии я считаю, что возможно это будет такая решающая сила политическая, именно народная (женщина, 55 лет и старше, Вече).

Большинство институциональных инноваций на протяжении протестов 2013 осуществлялись снизу вверх, а не сверху вниз. Здесь не было никакого «архитектора», который изобрел новый макет палаточного городка. Его жители сделали это спонтанно. Решение пригласить священников и начинать все важные события молитвой не было сделано одним человеком. Священники начали посещать палатки протестующих независимо от централизованных решений. В последнюю очередь, но не менее важно, что установления в Сечи и на Вече не были введены указом. Они также появились спонтанно.

Представители культуры, которые были ключевыми фигурами протестов в 2004, в 2013 году в лучшем случае выступали за кулисами. В 2013 г. протесты также не были спровоцированы извне. Код «Самоорганизация» редко выступал в последовательности с кодами «Россия» (Z значение = -1,96, p = 0,026) и «Европа» (Z значение = -2,46, p = 0,004). В 2013 г. Ключевую роль сыграло «критическое сообщество» — «сети исключенных граждан, которые определяют новые социальные проблемы, формулируют новые способы мышления и чувствования, и разрабатывают новые политические и культурные решения» [Chabot, Duyvendak 2002: 706]. Критические сообщества использовали традиционные институты (Вече, Сечь) в качестве ключевого ресурса для своих институциональных инноваций.

Вывод

Судя по проиллюстрированной способности протестующих противостоять деспотическому и насильственному правительству, их институциональные инновации — перенесение модульного репертуара на украинскую почву — можно считать успешным. Настоящее исследование позволяет предположить, что источником этого успеха стало *избирательное сродство* между традиционными институтами и перенесенными стратегиями. Отсутствие избирательного сродства обычно приводит к противоположным результатам институциональных трансфертов. В частности, оно «вызывает напряженность, образует разрывы и порождает фрустрации» [Badie 2000: 91]. В некотором смысле ситуация, которая наблюдается на Украине, может проиллюстрировать идеи глобализации. «В условиях глобализации акторы систематически генерируют и расширяют свои самостоятельные и уникальные основания. Но они делают это в рамках глобальных моделей эффективного инструментального действия» [Meuer 2000: 245].

На теоретическом уровне данное исследование предполагает путь объединения функционализма и конструктивизма к проблеме перенесения модульного репертуара протестных действий. Функциональный подход означает, что стратегии, которые продемонстрировали свою эффективность в одной институциональной среде могут быть успешно перенесены в другую. Конструктивистский подход предполагает, что работоспособные стратегии должны быть адаптированы в условиях существующего институционального устройства самими акторами. Репертуар протестных действий на Украине 2013 возникает в результате открытого

поиска модульных стратегий, которые имеют некоторое избирательное сродство с традиционными институтами и способны адаптироваться в новых условиях.

На практическом уровне, в этой статье дается некоторое представление о том, почему подобные модульные стратегии работают в некоторых случаях, но не в других. Сравнение российских и украинских случаев требует дополнительного исследования. В последнее время было несколько попыток массовой мобилизации с использованием модульных репертуаров в России. Они завершились массовыми протестами ноября-декабря 2011 года в Москве и ряде других городов. Тем не менее, модульные стратегии не были на самом деле перенесены на русскую почву. Связи, которые могли бы подключить их к традиционным институтам не были найдены. В результате социальная база массовых протестов была довольно ограничена. В основном состояла из членов городского креативного класса. Россияне, живущие в небольших городах, поселках и деревнях не смогли понять формат массовых протестов, которые подорвали общую стабильность. Перенесение модульных репертуаров путем их адаптации к традиционным институтам в течение украинских протестов 2013 г., с другой стороны, смогли привлечь большее количество участников с более разнообразным социальным и образовательным *бэкграундом*.

Приложение.

Таблица 1. «Сравнения данных протестных действий: 3 опроса и серия интервью»

Источник данных		Уличные протесты (Вече)	Сидячие (Табир)	Сидячие (Сечь)	Качественное интервью		
Данные по протестующим							
	Дата	7–8.12.13	20.12.13	3.02.14	27–29.12.13		
	N	1037	515	502	31		
					Общие	Майдан	Табир
Пол	Мужчины	57.2	85.1	88.1	77.4	68.7	81.8
	Женщины	42.8	14.9	11.8	22.6	31.3	18.2
Регион	Запад	51.8	42.4	54.8	45.2		
	Центр, включая Киев	30.9	34.4	23	38.7		
	Восток/Юг	17.3	23.2	21	16.1		
Возраст	29 и менее	38	34.1	33.2			
	24 и менее				19.4		
	30–54	49	52	56			
	25–39				22.6		
	40–54				45.2		
	55 и старше	13	13.9	10.8	12.9		
Причины присоединения к протесту*	Правительство использовало физическую силу против протестующих	69.6	69	61.3	20.5		
	приостановка президентом экономической ассоциации с ЕС	53.5	40	47	18.6		
	Желание изменить	49.9	36.2	51.1	14.5		

	правлящую элиту, ее отчуждение				
	Перспективы близкой интеграции с Россией	16.9	14.4	20	13.5
	Недовольство низким уровнем жизни				11.4
	Личная неприязнь к президенту Януковичу				9.4
	Широко распространенная коррупция				8.5
	Борьба за истинную независимость Украины				3.6

Легенда: Давая свои причины присоединения к протесту в опросах, респонденты могли выбрать несколько вариантов. В список альтернатив закрытого вопроса исследования были включены дополнительные варианты, тем не менее они были либо не специфичные (например, «Желание изменить жизнь в Украине») или получили незначительную поддержку среди респондентов (например, «желание мести, за все что власть сделала населению» или «Призыв к действию от лидеров оппозиционных партий»).

Таблица 2. «В каких формах массовых протестов вы готовы принять участие?»

	Уличные протесты (Вече)	Сидячие (Табир)	Сидячие (Сечь)
Выборы	51.4	37.8	54.9
Подписание коллективных петиций, писем протеста	37.2	30	42.4
Авторизованные митинги и демонстрации	70.7	51.8	56.3
Угроза забастовки	28.6	27	39.3
Гражданское неповиновение	35.8	30.9	40.2
Неавторизованные митинги и демонстрации	27.8	27.8	45.5
Забастовка	42.7	31.8	46.6
Голодовка	10.6	11.4	14.0
Пикетирование государственных органов	35.4	38.5	56.0
Сидение в общественных местах	13.8	19.5	41.0
Вооруженные отряды самообороны	15	21.3	50.4
Другие	2.5	6	1.6
Ни один из представленных	2	2.1	3.4
Я не знаю	0.5	2.7	3.1

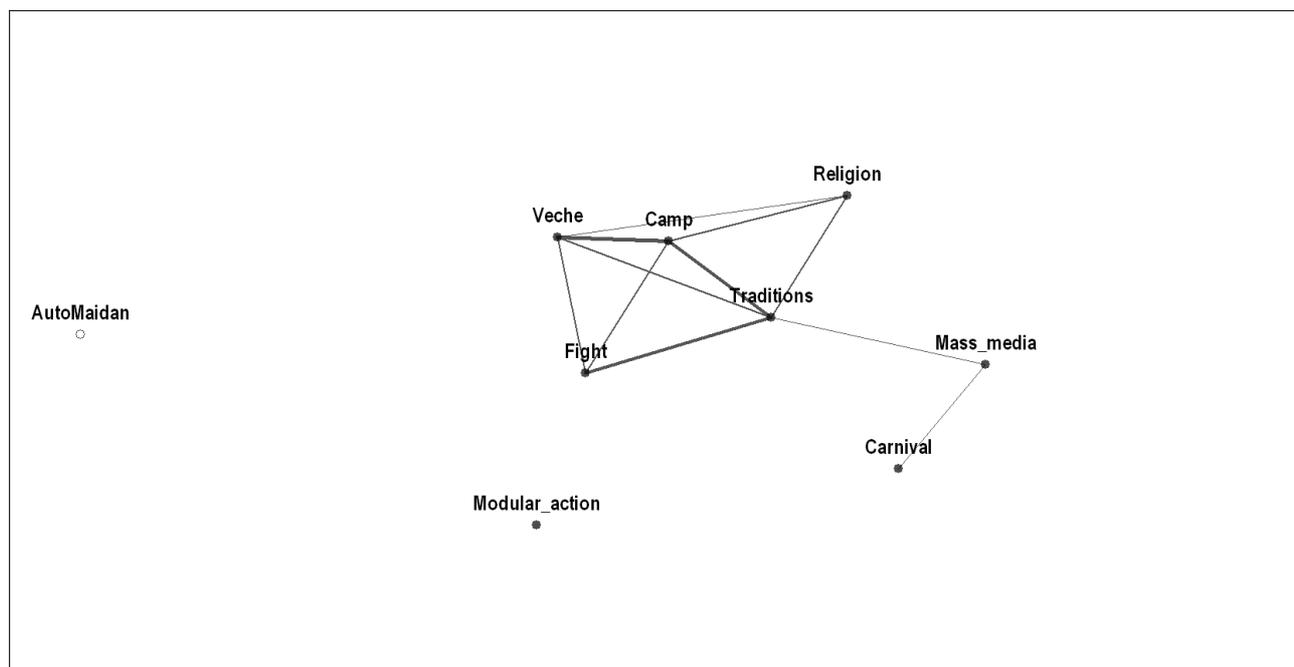
Источник: опросы проведены Фонд Илько Кучерив Демократические инициативы (2014)

Таблица 1 «Кодовая книга»

Категория	Код	Описание	Показатель	Коды%	Кейсы	Кейсы %
Основы	Свобода	Как определяется свобода. Что означает быть свободным? Не путать с восприятием определенной политической партии, Свобода [Свобода].	16	1.7	13	41.9
Основы	Сила	Как определяется сила и ее значение	28	2.9	20	64.5
Основы	Традиции	Ссылки на украинские традиции, в том числе традиционные праздники (Рождество, Новый год) в контексте массовых акций протеста. Традиции как источник идей и вдохновения. Традиции на Майдане 2004, как они вдохновляют Майдан 2013.	38	4.0	16	51.6
Основы	Доверие	Как определяется доверие и его значение.	26	2.7	21	67.7
Организация на Майдане	Местное управление	Роль местных менеджеров (сотники, десятники, старшие по палатке, ведущие на сцене) на Майдане. Вопросы разделения труда на Майдане имеют код «Лагерь» "Camp".	21	2.2	12	38.7
Организация на Майдане	Политические партии	Роль политических лидеров на Майдане («большой тройки»: Яценюк, Кличко, Тягнибок), в том числе роли политическая партий в целом. Как воспринимается их вклад?	66	6.9	25	80.6
Организация на Майдане	Самоорганизация	Подчеркивается, что люди шли туда не за деньгами (получить оплату за участие в протесте) и не будучи членами политических партий. Ссылки на "это был мое (наше) решение". Самоорганизация в повседневной жизни на Майдане — когда люди делают что-то без слов / приема инструкции, ссылки на добровольные начала.	109	11.5	28	90.3
Причины протеста	Отчуждение	Общее ощущение отчуждения от людей во власти. Люди, наделенные властными полномочиями рассматриваются в рамках (мы / они); они не заботятся о простых людях и не прислушиваться к их потребностям.	60	6.3	23	74.2
Причины протеста	Коррупция	Коррупция правительства в качестве причины для участия в акциях протеста. Взятничество, административные барьеры и т. д.	35	3.7	18	58.1
Причины протеста	Экономика	Экономические причины протеста: недовольство уровнем жизни, уровень заработной платы, пенсий и т. п.	47	4.9	22	71.0
Причины протеста	Европа	Желание более тесных связей Украины с ЕС в качестве основания для участия в акциях протеста. Пример Польши как успешно интегрированной страны. Ссылки на решения президента, чтобы остановить процесс интеграции в качестве триггера.	77	8.1	27	87.1
Причины протеста	Независимость	Идея подлинной независимости: Украина, согласно этой логике пока не пользуются преимуществами своей самостоятельности. Ссылки на строительство «Европейского» (то есть цивилизованного) порядка внутри Украины, не жертвуя ее независимостью. Украина не зависит как от ЕС так и от России, более или менее автономна.	15	1.6	7	22.6
Причины протеста	Президент	Ощущение (т. е., что-то эмоциональное или квази-эмоциональное) отвращения к президенту Януковичу в качестве причины для вступления в протест. Этот код включает в себя личное восприятие (в от-	39	4.1	19	61.3

		личие от утверждения, что правящая элита насильственная и повреждена).				
Причины протеста	Россия	Желание отойти от российской сферы влияния и не быть под авторитарным правлением. Только негативные ассоциации с Россией включает этот код. Вопросы русского против украинского языка кодируются "Традиции".	56	5.9	22	71.0
Причины протеста	Насилие	Применение физической силы и оружия сотрудниками полиции против протестующих в качестве причины для участия в акциях протеста. Ссылки на рэкет, угрозы, уничтожение имущества (автомобили).	85	8.9	24	77.4
Репертуар	Автомайдан	Ссылки на использование автомобилей в акциях протеста, к движению AutoMaidan (протестующие на автомобилях собираются в главном офисе Януковича в Межигорье, протестуя на улицах Киевской и так далее).	2	0.2	2	6.5
Репертуар	Лагерь	Сидячие забастовки в различных формах (общественные места, административные здания Палаточный городок (Табор, табир) в качестве примера: ... Замечания относительно эффективности оккупации города Жизнь в палатке, как форма протеста разделение труда на Майдане: различные услуги (оборона, кухня ...) и как порядок поддерживается.	78	8.2	21	67.7
Репертуар	Карнавал	Обсуждение карнавальных элементов (маски, особая атмосфера, много музыки) в качестве стратегии массовых протестов.	9	0.9	5	16.1
Репертуар	Борьба	Идея, что сила может быть уравновешена другой силой, то есть применения силы и квази-военной организации в качестве стратегии для достижения целей протестующих.	31	3.3	13	41.9
Репертуар	Массмедиа	Роль средств массовой информации в массовой мобилизации. Мобилизация с помощью социальных сетей (Facebook и др.) и в Интернете. Любые ссылки на «виртуальную» сторону протестов.	10	1.1	6	19.4
Репертуар	Модульные действия	Ссылки на стратегии, которые оказались успешными в других странах и желание повторить эти стратегии в Украине (например, ссылки на успешных акций протеста в Таиланде). Идея этого кода является репликация стратегий, в отличие от своего изобретения.	3	0.3	3	9.7
Репертуар	Религия	Ссылки на религиозных верования и религии в контексте массовой мобилизации. Молитва как форма протеста.	22	2.3	14	45.2
Репертуар	Вече	Мирные уличные шествия и массовые скопления граждан (те, которые произошли в Киеве в выходные дни, например, на 29 декабря, 2013).	77	8.1	27	87.1

Рисунок 1. «2D карта кодирования совместной встречаемости, категория «Репертуар» и код «Традиции», многомерное шкалирование»

Искажение = 0.2149, R1 = 0.8340¹⁰

Макаренко, Виктор Павлович. 1998. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*. — Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ.

Alarupo R. 2005. Associations and Contention in France and Finland: Constructing the Society and Describing the Society. — *Scandinavian Political Studies*. — 28(4). — P. 377–399.

Appadurai A. 1996. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. — Minneapolis: University of Minnesota Press.

Attia A.M., Aziz N, Friedman B., Elhousseiny M.F. 2011. Commentary: The impact of social networking tools on political change in Egypt's 'Revolution 2.0'. — *Electronic Commerce Research and Applications*. — 10. — Pp. 369–374.

Badie B. 2000 [1992]. *The Imported State: The Westernization of the Political Order*. — Stanford: Stanford University Press.

Beissinger M.R. 2007. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. — *Perspectives on Politics*. — 5(2). — Pp. 259–276.

Beissinger M.R. 2011. Mechanisms of Maidan: The structure of contingency in the making of the Orange revolution. — *Mobilization: An International Journal*. — 16(1). — Pp. 25–43.

Bernard H.R. 2013. *Social Research Methods* (2nd edition). — Thousand Oaks: SAGE.

Biggs M. 2013. How Repertoires Evolve: The Diffusion of Suicide Protest in the Twentieth Century. — *Mobilization: An International Quarterly*. — 18(4). — Pp. 407–428.

Brannen J. 2005. Mixing Methods: The Entry of Qualitative and Quantitative Approaches into the Research Process. — *International Journal of Social Research Methodology*. — 8(3). — Pp. 173–184.

¹⁰ Уровень допустимого напряжения (искажения) многомерного шкалирования условно устанавливается на 0,15–0,2 или ниже [Bernard 2013: 413].

- Bryman A. 2004 [2001]. *Social Research Methods* (2nd edition). — Oxford: Oxford University Press.
- Chabot S., Duyvendak J.W. 2002. Globalization and transnational diffusion between social movements: Reconceptualizing the dissemination of the Gandhian repertoire and the ‘coming out’ routine. — *Theory and Society*. — 31(6). — Pp. 697–740.
- Coutin S. 1995. Ethnographies of violence: Law, dissidence and the state. — *Law & Society Review*. — 29(3). — Pp. 517–539.
- Cummings S.N., Ryabkov M. 2008. Situating the “Tulip Revolution”. — *Central Asian Survey*. — 27(3–4). — Pp. 241–252.
- Davis L., North D.C. 1970. Institutional Change and American Economic Growth: A First Step towards Theory of Institutional Innovation. — *Journal of Economic History*. — 30(1). — Pp. 131–149.
- Grytsyak, Evgen. 2013. Nenasyl'stvo zavzhdy peremagae [Non-violence always wins]. — *Retrieved February*. — 19, 2014. (Access: http://texty.org.ua/pg/article/editorial/read/46215/Nenasyl'nyckyj_sprotyv_rozvalyv_SRSR_i_znyshyv_GULAG). — Verified: 06/15/2014).
- Guérin D., Petry F., Crête J. 2004. Tolerance, protest and democratic transition: Survey evidence from 13 post-communist countries. — *European Journal of Political Research*. — 43(3). — Pp. 371–395.
- Hofheinz A. 2011. Nextopia? Beyond Revolution 2.0. — *International Journal of Communication*. — 5. — Pp. 1417–1434.
- Ilko Kucheriv Democratic Initiatives Foundation. 2014. Vid Maidanu-Taboru do Maidanu-Sichi: shcho zminylosya? [From Maidan-Tabir to Maidan-Sich: common and diverse characteristics]. — *Retrieved February*. — 18 (Access: <http://dif.org.ua/ua/publications/press-relizy/vid-mchi-sho-zminilos.htm>). — Verified: 06/15/2014).
- Klyuchevsky V. 1956–1957 [1904]. Kurs russkoi istorii [Course in Russian history]. Vols. 1 (1956) and 2 (1957). — Klyuchevsky V. *Sochineniya*. — Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury.
- Kujawski B., Abell P. 2011. Virtual communities? The Middle East revolutions at the Guardian forum: Comment Is Free. — *The European Physical Journal B*. — 83. — Pp. 525–529.
- Kuntz P., Thompson M.R. 2009. More than Just the Final Straw: Stolen Elections as Revolutionary Triggers. — *Comparative Politics*. — 41(3). — Pp. 253–272.
- Kupatadze A. 2008. Organized crime before and after the Tulip Revolution: the changing dynamics of upperworld-underworld networks. — *Central Asian Survey*. — 27(3). — Pp. 279–299.
- Meyer J.W. 2000. Globalization: Sources and Effects on National States and Societies. — *International Sociology*. — 15(2). — Pp. 233–248.
- Nikolayenko O. 2007. The Revolt of the Post-Soviet Generation Youth Movements in Serbia, Georgia, and Ukraine. — *Comparative Politics*. — 39(2). — Pp. 169–188.
- North DC. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Oberschall A. 1993. *Social Movements: Ideologies, Interests and Identities*. — New Brunswick: Transaction Publishers.
- Oleinik A. 2006. Socialism. — *International Encyclopedia of Economic Sociology*, edited by Jens Beckert and Milan Zafirovski. — London and New York: Routledge. — Pp. 627–631
- Oleinik A. 2012. Institutional transfers in the Russian system of higher education: a case study. — *Journal of Economic Issues*. — 47(4). — Pp. 881–908.
- Oleinik A., Popova I., Kirdina S., Shatalova T. 2013. On the choice of measures of reliability and validity in the content-analysis of texts. — *Quality and Quantity*. — On-line First (DOI 10.1007/s11135-013-9919-0).

Razumkov Centre. 2013. Yakym integratsiynym napryamom mae ity Ukraina? [What is the right format of association for Ukraine?]. — *Retrieved February*. — 17, 2014 (Access: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=865). — Verified: 06/15/2014).

Reporters Without Borders. 2014. 2013 World Press Freedom Index: Dashed hopes after spring. — Retrieved February 18, 2014 (Access: <http://en.rsf.org/press-freedom-index-2013,1054.html>). — Verified: 06/15/2014).

Sharp G. 2012 [1993]. *From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation*. — London: Serpent's Tail.

Szabó M. 1996. Repertoire of Contention in Post-Communist Protest Cultures: An East European Comparative Survey. — *Social Research*. — 63(4). — Pp. 1155–1182.

Temirkulov A. 2008. Informal actors and institutions in mobilization: the periphery in the “Tulip Revolution”. — *Central Asian Survey*. — 27(3). — Pp. 317–335.

Thompson B.Y. 2007. The Global Justice Movement's Use of ‘Jail Solidarity’ as a Response to Police Repression and Arrest: An Ethnographic Study. — *Qualitative Inquiry*. — 13(1). — Pp. 141–159.

Tilly C. 1977. Getting It Together in Burgundy, 1675–1975. — *Theory and Society*. — 4(4). — Pp. 479–504.

Tilly C. 1978. *From Mobilization to Revolution*. — Reading, MA: Addison-Wesley Publishing.

Tilly C. 1985. War Making and State Making as Organized Crime. — *Bringing the State Back In*, edited by Peter B. Evans, Dietrich Rueschemeyer and Theda Skopol. — Cambridge: Cambridge University Press. — Pp. 169–191.

Tilly C. 1995. Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834. — *Repertoires and Cycles of Collective Action*, edited by Mark Traugott. — Durham: Duke University Press. — Pp. 15–42.

Traugott M. 1993. Barricades as Repertoire: Continuities and Discontinuities in the History of French Contention. — *Social Science History*. — 17(2). — Pp. 309–323.

Traugott M. 1995. Recurrent Patterns of Collective Action. — *Repertoires and Cycles of Collective Action*, edited by Mark Traugott. — Durham: Duke University Press. — Pp. 1–14.

Ukrainska Pravda. 2014. Klychko: Zavtra — poperedzhuval'nyi straik [Klychko: Tomorrow — a preliminary strike]. — *Retrieved February*. — 19 (Access: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/01/22/7010816/>). — Verified: 06/15/2014).

Van Aelst P., Walgrave S. 2001. Who is that (wo)man in the street? From the normalisation of protest to the normalisation of the protester. — *European Journal of Political Research*. — 39(4). — Pp. 461–486.

Van Laer J., Van Aelst P. 2010. Internet and social movement action repertoires. — *Information, Communication & Society*. — 13(8). — Pp. 1146–1171.

Wada T. 2012. Modularity and Transferability of Repertoires of Contention. — *Social Problems*. — 59(4). — Pp. 544–571.

Walgrave S., Verhulst J. 2011. Selection and Response Bias in Protest Surveys. — *Mobilization: An International Journal*. — 16(2). — Pp. 203–222.

Walgrave S., Bennett W.L., Van Laer J., Breunig C. 2011. Multiple engagements and network bridging in contentious politics: digital media use of protest participants. — *Mobilization: An International Journal*. — 16(3). — Pp. 325–349.

Yavornytsky D. 1990 [1892]. *Istoriya zaporiz'skykh kozakiv* [History of Cossacks from Zaporizhia]. — Lvov: Svit. Vol. 1.